

Искэндэр Ясавеев

**Для кого и для чего сегодня существует социология в России?**

К сожалению, на мой взгляд, социология в России существует в основном «для себя». Бросаются в глаза невостребованность со стороны лиц и структур, принимающих решения, и общественности в целом значительной части социологического знания. Например, социологи вместе с криминологами достаточно давно показывают неэффективность «драконовских мер» «борьбы» с преступностью и употреблением наркотиков. А что мы видим в политической сфере? После небольшого периода относительной либерализации уголовной политики в 2002 – 2004 годы сейчас снова ужесточены меры контроля (в частности, вновь снижены пороги количества наркотического вещества, с которого начинается уголовная ответственность за хранение и приобретение), и опять растет число заключенных на 100 тысяч населения. В немалой степени этой невостребованности способствует и закрытость социологического сообщества в России, его замкнутость на себя, особенно в регионах. А «публичным лицом» современной российской социологии в результате являются данные о политических предпочтениях россиян перед выборами.

**Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии?**

Мне кажется, в России очень узок сегмент критической и публичной социологии.

**Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?**

Я определил бы это с конструкционистской точки зрения – в сферу публичной социологии входит все то, что имеет отношение к конструированию (может использоваться для конструирования) социальных проблем, то есть выдвигению индивидами или группами требований изменить ту или иную ситуацию.

**По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима? Какие техники и методы в рамках публичной социологии больше подходят для разработки тех или иных проблем?**

Прежде всего, к темам и проблемам насилия и дискриминации по самым различным основаниям. Что касается методов и техник, то я не могу отдать предпочтение, например, качественным или количественным методам. Например, показать, каким образом ВИЧ-позитивные люди, употребляющие наркотики, лишаются доступа к противовирус-

ной терапии, возможно посредством качественных техник, а данные о том, что более четверти замужних женщин в России неоднократно подвергались физическому насилию со стороны мужа, собраны количественными методами.

**Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?**

Несомненно, вправе – как часть общества, не претендуя в то же время на некое знание «свысока».

**Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)?**

Был бы очень рад такому «повороту», но пока вижу эту тенденцию лишь в некоторых научных центрах, например, в Санкт-Петербурге, Саратове и некоторых других городах. Впрочем, мое знание в этой области весьма ограничено.

**Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?**

Хотелось бы, чтобы эта роль была связана с тем, что можно назвать движением к гражданскому обществу, как бы ни был затерт этот термин.

**«Повестка дня» публичной социологии или часто ли мы задаемся вопросом о том, почему изучаем то, что изучаем?**

С тезисом о том, что публичная социология по определению ориентирована на исследование социальных проблем, невозможно не согласиться. Однако с конструкционистской точки зрения любая социальная проблема – это конструкция, формируемая в процессе *определения* какой-либо ситуации в качестве опасной, вредной, угрожающей. В таком случае возникает вопрос о том, на изучение каких конструкций социальных проблем должна быть нацелена публичная социология: тех, что создаются властными элитами, средствами массовой информации и другими ресурсными институтами, или тех, что формируются научным сообществом, общественными организациями, социальными движениями? При этом следует учесть, что уязвимые группы вообще не имеют ресурсов для продвижения своих определений ситуаций, т.е. конструирования социальных проблем.

Мне представляется очень важной мысль Павла Романова, прозвучавшая на круглом столе, и комментарий Карин Клеман о *навязывании* социологическому сообществу определенной «повестки дня», соответствующей интересам властных элит. Я бы сформулировал это несколько по-

другому: мне кажется, подчас имеет место некритическое принятие социологами «повестки дня», доминирующей в обществе. То, что писал Герберт Блумер в 1971 году, вполне актуально для современной российской социологии: «Социологи распознают социальные проблемы только после их признания в качестве таковых обществом. Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере социетального признания, меняя направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем».

Согласитесь, далеко не часто социологи задаются вопросом: «Почему мы изучаем то, что изучаем?» Если обратиться к содержанию социологических журналов и научных сборников последнего десятилетия, то бросается в глаза наличие статей об употреблении наркотиков, но не о дискриминации наркозависимых, например, отказе ВИЧ-позитивным из их числа в комплексной противовирусной терапии, 60

о терроризме, но не о той ситуации насилия, в которой живет население республик Северного Кавказа, о подростковой преступности и делинквентности, но не о насилии в отношении задержанных со стороны некоторых сотрудников милиции и не об условиях содержания российских заключенных, о бедности, но не о том, что группы людей, не обладающих ресурсами, не имеют никаких возможностей для защиты собственных интересов из-за отсутствия независимой судебной власти. И таких «не о» очень много. Хотя справедливости ради необходимо сказать, что российские социологи играют, на мой взгляд, важную роль в конструировании ряда социальных проблем, игнорируемых властными элитами и СМИ, например, насилия в отношении детей и женщин в семье, гендерной дискриминации и др. Таким образом, публичная социология, если она действительно стремится быть публичной, возможна только при наличии рефлексии относительно происхождения исследуемой проблематики и основанного на этой рефлексии выбора предмета исследования, а также при условии, что социологи будут делать все возможное, чтобы их данные были доступны максимально большему числу людей (через традиционные СМИ, Интернет, публичные лекции, университетские курсы и обычные, повседневные разговоры и обсуждения).

## Как не превратиться в музейный экспонат

Ульрих Бек

**Социологии не только нужен публичный голос – ее следовало бы заново изобрести для двадцать первого века**

**М**айкл Буравой написал вдохновляющий текст «За публичную социологию»<sup>1</sup>. Никакое другое социологическое выступление не вдохновляло меня с такой силой за последние годы, и ни с одним из мнений я не был столь солидарен, как с этим. На это указывает хотя бы то, что я испещрил весь его текст восклицательными знаками. Но есть также и знаки вопроса. И я хочу обсудить здесь два из них. Прежде всего, присоединяясь к его духу возрождения социологического просвещения путем дифференциации разных типов публичной социологии, я не разделяю его оптимизм, что социология может просто стать интегральной частью публичного дискурса и практики. Во-вторых, я не думаю, что мэйнстримная социология действительно готова к этому приключению. Мои доводы указывают в противоположном направлении: все разные формы публичной и непубличной социологии находятся в опасности – им грозит превращение в музейные экспонаты. Таким образом, социология не только нуждается в публичном голосе, ее следует заново изобрести, серьезно обновить – чтобы иметь возможность публичного голоса в принципе!

Beck U. How not to become a museum piece // The British Journal of Sociology. № 56 (3), 2005. P. 335–343. Перевод и публикация осуществлены с любезного разрешения автора и издателя.

<sup>1</sup> Burawoy M. For Public Sociology // The British Journal of Sociology. № 56 (2), 2005. P. 259–94.